

Сила нашей литературы

«Нельзя считать случайностью, — говорил тов. В. М. Молотов, — что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом. В нашей стране коммунизм вдохновляет и вдохновляет труд, героическую борьбу за Родину, к высочайшему идейному творчеству».

Великая партия большевиков создала и выдвинула новую литературу, вдохновенную идеями коммунизма.

Советская литература продолжила и развила лучшие традиции русской классической литературы. Однако новаторская, по своему существу, советская литература не могла ограничиться простым продолжением традиций. Ее новаторский характер определился тем, что она возникла в результате революционной борьбы рабочего класса и партии большевиков, окрепла и развилась в условиях советского строя. Теория и практика нашей партии явились источником самых талантливых и волеуверенных страниц нашей литературы.

В. И. Ленин обосновал и развил главный принцип новой литературы — принцип партийности.

Горький был первым писателем, в произведениях которого ленинские принципы получили художественное выражение. Подходя к оценке явлений действительности с точки зрения переходного класса общества, Горький стал создателем новой литературы, в которой были выражены основные черты новой социалистической литературы.

Советская литература с первых шагов активно участвовала в борьбе советского народа, партии Ленина — Сталина за построение советского государства и социалистического общества в нашей стране. Она черпала материал для художественных произведений, тематику, образы из событий революции, гражданской войны, восстановления народного хозяйства, из героики сталинских пятилеток. С каждым годом жизни советского народа создавались новые книги, запечатлевшие неповторимые черты нашей эпохи, движимые советскими людьми к коммунизму. И все, более чем тридцатилетняя история советской литературы учит тому, что неумирающие классические произведения, сохраняющие свое значение вне зависимости от того, когда они были написаны, являются произведениями, изображающими героическую работу партии в этот период, оценивающие события с точки зрения партии.

Возьмем, к примеру, годы гражданской войны. Количество литературных произведений, посвященных этому времени, в первые революционные годы огромно. Но качество — историческая правдивость и художественность этих произведений — непосредственно обусловлена идейной позицией писателя. Немало было написано произведений, изображающих революцию и гражданскую войну с позиций, которые еще были довольно сильны в то время. В этих произведениях, иногда написанных с полным знанием законов литературного мастерства, события революции и гражданской войны изображались как результат «разбушевавшейся народной стихии». Даже те из них, в которых ощущалось искреннее сочувствие автора революции, не раскрывали главной сущности событий.

История партии учит, что свержение царизма и разгром иностранной интервенции во время гражданской войны были результатом планомерной деятельности партии большевиков, что организаторская и руководящая роль партии была решающим фактором в первых победах молодой советской республики.

«Партия, — говорится в «Кратком курсе», — подняла народ на отечественную войну против нашествия войск иностранной интервенции, против мятежей свергнутых революцией эксплуататорских классов».

Коммунисты-комиссары, работавшие тогда в Красной Армии, сыграли решающую роль в деле укрепления армии, в деле ее политического просвещения, в деле усиления ее боеспособности, ее дисциплины.

Именно с этой точки зрения оцениваются события гражданской войны в таких произведениях, как «Железный поток» А. Серафимовича, «Чапаев» Дм. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева. В центральном образе своего романа, в лице Ленинского А. Фадеев показал представителя партии, как вдохновителя и организатора масс. Коммунист-комиссар изображен Дм. Фурманов в образе Клычкова. Клычков решительно поддерживает славу и авторитет легендарного командира Чапаева и одновременно политически воспитывает его и бойцов, внося в их сознание дух большевистской дисциплины и боевой отваги. Благодаря партийной оценке явлений эти произведения стали классическими, и уже не одно поколение советских людей испытало и испытывает на себе их облагораживающее влияние.

Издание «Краткого курса истории ВКП(б)» в Литве

ВИЛЬНИУС. (Наш корр.). 20-тысячным тиражом вышло из печати 6-е издание «Краткого курса истории ВКП(б)» на литовском языке. Классический труд товарища Сталина получил широкое распространение среди трудящихся республики.

Директор филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) Литвы, один из первых переводчиков «Краткого курса» на литовский язык, т. Шарматис рассказывает:

— В 1939 году в буржуазную Литву впервые попал «Краткий курс истории ВКП(б)», изданный на русском языке в Москве. Эта книга передавалась тайно из

История партии учит, что коллективизация сельского хозяйства была глубочайшим революционным переворотом, скачком из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние. «Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена сверху, но инициатива государственной власти, при прямой поддержке снизу со стороны миллионов масс крестьян, борющихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь» («Краткий курс истории ВКП(б)»). Классическими в нашей литературе, любимыми народом стали произведения, запечатлевшие с наибольшей глубиной своеобразие этого революционного переворота в жизни деревни. — «Поднятая целина» М. Шолохова, «Бруски» Ф. Панферова, «Страна» М. Мурашова, А. Твардовского. М. Шолохов художественно и проникновенно раскрыл руководящую роль партии в этой великой перемене в жизни советского крестьянства. Чудесен образ посланца партии — рабочего-коммуниста Давыдова. Навсегда запомнилась волнующая сцена чтения героями романа статьи товарища Сталина «Головокружение от успехов», которая «помогла партийным организациям выправить их ошибки и нанесла сильнейший удар врагам Советской власти, надевшимся на то, что на почве перегибов им удастся восстановить крестьянство против Советской власти» («Краткий курс истории ВКП(б)»).

Советский народ признает особенно значительными художественными произведениями те, в которых правдиво воплощены темы партии, раскрыт образ большевика. Любимыми героями советского читателя, его идейными спутниками в бою и труде стали Павел Власов, Павел Корчагин, молодцы-партизаны, Воропаев и многие другие, подобные им.

Великий советский поэт В. Маяковский в 1920 году писал:

Поэтом не быть мне бы,
если б не эта пел —
в звездах пятиконечных вебо
бездельного свода РКП.

Советская действительность, героическая деятельность партии большевиков вызвали к жизни в нашей литературе такое идейное богатство, такое обилие тем и образов, какого не знала, из и не могла знать ни одна литература мира.

За три с небольшим десятилетия молодая советская литература сложилась в зрелую литературу, самую идейную, самую передовую, самую революционную литературу мира. Стремительный идейно-художественный рост нашего искусства, его победа над всеми антинародными течениями объясняются успехами социалистического строительства, победой социализма, непосредственным руководством партии.

Борьба за идейную чистоту и партийность нового социалистического искусства, партия давала решительный отпор попыткам идеологов разгромленных революцией эксплуататорских классов помешать развитию советской литературы. От замечаний Ленина по адресу «независимого» от партии и народа сектантского Пролеткульта до постановления ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба», нанесшего сокрушительный удар антинародному течению в советской музыке, красной нитью проходила отеческая забота партии о создании искусства, неразрывно связанного с народом. Партия помогла отдельным писателям освободиться от влияния старых декадентских школ и течений.

Начиная с указания Ленина работникам советской печати о необходимости воспитания масс на живых конкретных примерах и образах из всех областей советской жизни, вплоть до наших дней партия терпеливо и заботливо учила писателей, что, только добросовестно и внимательно изучая нашу действительность, стараясь глубже проникнуть в сущность процессов исторического развития, они смогут создать произведения, нужные народу и достойные его.

Бережно и внимательно перевоспитывала партия кадры старой художественной интеллигенции, стоявшей на платформе советской власти: она подыкала к жизни в искусстве новые кадры из народной массы и создала новую художественную интеллигенцию, служащую народу, руководствующую в своем творчестве тем, что составляет основу советского строя, — его партией. В результате культурной революции в стране была создана многонациональная народная среда вокруг литературы и искусства, оказывающая активное влияние на их развитие.

Обобщая и осмысливая практический опыт советской литературы, партия обогаляла литературную науку теорией социалистического реализма. В начале

рук в руки. Фашистская оккупация расправилась с каждым, у кого находили книгу. Тем не менее «Краткий курс» читали не только рабочие Каунаса, Шауляя, Мариамполи, он попадал даже в тюрьмы к политзаключенным. Его читали и изучали на память.

В 1939 году в Москве была создана группа при издательстве «Литература на иностранных языках» для перевода «Краткого курса» на литовский язык. Этот перевод был сделан, первое издание на литовском языке вышло летом 1940 года. Экземпляры «Краткого курса» на родном языке были вручены членам Народного сейма Литвы, прибывшим в Москву на VII сессию Верховного Совета СССР. Две Литва была принята в состав великого Советского Союза.

30-х годов великий Сталин в беседах с писателями обосновал и развил основные положения этого метода, требующего сочетания правдивости в конкретности художественного изображения действительности в ее революционном развитии с задачей воспитания трудящихся в духе социализма.

«Социалистический реализм, — говорил тов. А. А. Жданов на первом съезде советских писателей, — является основным методом советского художественного искусства и литературной критики, а это предполагает, что революционный романтизм должен входить в литературное творчество, как составная часть, ибо вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами».

Теория социалистического реализма имела решающее значение в развитии литературы, она давала писателям и работникам искусства уверенность и силу ориентировки в их творческой работе.

Гениальный труд товарища Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)», объединяющий гигантский практический и теоретический опыт большевизма, вооружил работников искусства точным и ясным знанием законов общественного развития, вселял уверенность в торжестве коммунизма.

Не думая, что писал очевидец. Перед нами лежит на столе. — Это правда о нашей земле. Ты подмигнешь красной переплетке. И тогда на любой из страниц Ты увидишь сияние зарниц. Это — знания тебе для работы, Это — карта тебе для дороги, Это — доблесть и мужество многих, Это — крылья тебе для полета И мечтания твои без границ! *

Советские литературоведы и критики пока еще не сумели проследить то огромное влияние, которое оказала эта книга на нашу литературу, но даже простое сопоставление литературных произведений военного и послевоенного периодов с произведениями 20-х и начала 30-х годов свидетельствует о большом идейном и творческом возмужании литературы. Стоит для примера сравнить новый роман молодого писателя В. Ажаева «Далеко от Москвы» с так называемыми «производственными» романами, написанными в конце 20-х, начале 30-х годов.

Впервые в нашей литературе самый ход строительства — даже такие, обычно опускаемые писателями детали, как разработка проекта организации работ, составление хозяйственных планов, — изображены так увлекательно и захватывающе. Ажаеву удалось показать идейный рост своих героев. «Духовный облик вышедших советских людей виден, прежде всего, в сознательном отношении к своему труду, как к делу общественной важности и как к святой обязанности перед советским государством» (В. М. Молотов). Увидеть эту новую особенность вышедших советских людей и с такой яркостью запечатлеть ее на большом художественном податке мог лишь писатель, обладающий передовым мировоззрением, умеющий мыслить по-партийному.

Сила советской литературы в том, что ее путь освещается светом идей марксизма-ленинизма. Основа ее успехов в большевистском руководстве, в том, что на всех этапах развития литературы каждое указание партии, каждое постановление ЦК ВКП(б) не только выносило ясность в сложные вопросы развития нашего искусства, но и давало писателям вдохновляющую программу действий. Недавние постановления Центрального Комитета партии ознаменовали собой начало нового периода в развитии нашей литературы, указали на ее высокое назначение и задачи в период перехода от социализма к коммунизму в нашей стране.

Отбрасывая лучшие чувства и качества советских людей, писатели должны «показывать наш народ не только в его сегодняшнем дне, но и заглянуть в его завтрашний день», создавать вдохновляющие произведения, на которых люди будут учиться новой общечеловеческой морали, морали коммунистической. Советские писатели должны смело бичевать растленное искусство буржуазного Запада.

Над разрешением этих благородных задач трудятся в братском единстве представители всей многонациональной советской литературы, создание которой является торжеством политики коммунистической партии в области культуры. На этом пути писателей вдохновляет победоносная сила идей партии Ленина — Сталина, ее вдохновенные дела, патристический труд советских людей. Заботом будущих успехов советской литературы, ее ближайшего невиданного расцвета служат гениальный Сталин, уверенно ведущий нашу страну к новым победам.

* А. Софронов. «Слово Сталина».

Юность наираждена

1.

Когда я думаю о героях будущей книги, передо мной возникает образ Алеси Судына, наладчика прутково-трубного цеха Московского парикопромышленного завода имени Багановича. И мне становится хорошо от сознания, что мой герой живет со мной по соседству, ходит по нашей улице и так решает свою судьбу, что автору ничего не приходится менять в ней для додумывания за него.

Об Алексее Судыне все чаще и чаще говорят теперь на заводе. Стахановец. Рационализатор. Искатель. Имя его упоминается в заводских переписках, многотражках помещается его портрет.

А я, расклевывая еще пахнущий типографской краской листок, вглядываясь в упрямое юношеское лицо, стараюсь представить Алесю таким, каким он пришел на завод в трудную зиму серых второго года.

Ему не приходилось подстраиваться под воти скамеечку, чтобы дотянуться до станка. Он и тогда был высоким паренком с широкими и крепкими плечами. Именно поэтому его зачисляли в токарно-автоматное отделение. Нех тогда выдался урожай. Собственно, цех не было, его нужно было создавать заново. Было голое, холодное помещение с развороченными фундаментами из-под отравленных в эвакуацию станков.

Работа была та же: убирать мусор, скалывать дед... Кому же поправится клататься в мусорных кучах, когда идет война, когда фронт рядом? И они мечтали о фронте, ребята, «ремесленники» этого выпуска, попавшие в пустой цех, на участок, непонятно почему именуемый автоматно-токарным. Мастером у них был Федор Федорович Коротков. Он-то знал, для чего ребята взялись за мусор.

— Вот придут автоматы, — говорил он, — а тогда...

Но ребят мало интересовало, что будет тогда... Воевать, раз война, — таково мужское дело, и к этому они все стремились. Алесю добился приема в военно-морское училище. Не чужд от радости ног, он помахивал домой: помахивать и за вещами. Одним матом взялся по лестнице, распластуха лезть и остановился. У окна, заложив руки за спину, стоял мастер Коротков.

Это была встреча не из приятных. Простота же пришла к нему мастер, тем более, что устранился в училище. Судыня прогулял четыре дня. И Алесю застыл на пороге, ожидая упрёков, но, по правде сказать, не чувствуя за собой вины.

А Коротков шагнул навстречу ему: — Автоматы привезли, Алексей, — сказал он без тени упрёка, доверительно, обаятельно, устало.

2.

Нет, говоря откровенно, не автоматы заставляли Алесю остаться в цехе. Обстоятельства сложились так, что иначе невозможно было поступить. На отделе кадров позвонили в училище, и там ему вкратце рассказали в приеме. С Судыным разговоривались многие: начиная от начальника цеха и кончая комсоргом, хотя Алесю не был еще комсомольцем в ту пору.

— Храбрым тебя назвать нельзя, — замечала комсорг Рунова. — От пуганых ты бежишь. С трудностями управиться не можешь...

Не очень приятно было такое высказывание. Но Алесю решил терпеть до первого удобного случая. Автоматы не интересовали его. Выступили его из ремесленного училища станочником, оператором. Это значило, что он должен уметь сам наладить станок. Легко сказать — наладить! А он со с тех пор в глаза не видел автоматов. Все только в теории. И это его нежелание однажды вызвало Федора Федоровича: от прищипки горячий, он кричал на парничка так, что дрожали успевающие от бешеного стекла.

— Ты вот что, ты не кричи, — не понадеявшись голосом, сказал Алексей. — Хочешь по хорошему разговаривать, — говори. А не то я... — он перевел дыхание, — а я сам горю бываю.

Было что-то такое в нетерпком голосе парничка, что мастер, взглянув на него, замолчал и отступил к станку. А потом, успокоившись, сказал уже без всякого раздражения: — Как же на тебя по капать, когда мне за тебя обидно? Больно

Ирина ИРОШНИКОВА

смотреть, что ты с жизнью своей делаешь...

Они просидели в опустевшем цеху до позднего вечера. Разговор получился долгим и неохотно задушевным.

— Чего ты сейчас стоишь, скажи, — вопрошал мастер. — Какое ты в жизни имеешь значение? А ты посмотри на лицо моего парничка. Идет по цеху — хоп! Цепу себе знает человек, мастер! Коротков неторопливо достал папиросу, закурил. — Каждый человек должен в жизни иметь настоящее дело.

— Да я разве против? — горячо говорил Алесю. — Не так ты меня, Федор Федорович, понимаешь. Мне просто... спешальность эта не по душе.

— А ты ее нехотел, спешальность? Что ты в ней заметил? Успех? Ты выиграл, сущность маппы пойми. Попробуй силу свою над ней, вот тогда и будешь говорить...

Они сидели вдвоем в опустевшем темном цехе, только огоньки их папирос вспыхивали, на них освещая лица. Я не знаю, о чем думал Судыня в эту ночь, а передумал, наверное, он нечисто. Наверно, увидел Короткова в цехе, он смущенно тронул его за рукав.

— Давай, учи меня, Федор Федорович.

3.

Учиться у Короткова было нелегко. Ребята часто жаловались на него. Да и Алесю вначале не нравился метод мастера. Приведет в разобранному станку, поставит...

— Давай, налаживай, — говорил он, — Бьетесь Алексей, бьются, уж на что упрям, и то, бывало, откажется:

— Не идет дело, Федор Федорович... Мастер успокаивал, объяснял, — и ребята начинали действовать. Получалось. Потом поправлялось до всего самого хорошего, без подсказок, — совсем по другому маппу начинаешь понимать.

О плохих наладчиках Федор Федорович высказывался так:

— Толку из него не выйдет. Боятся станка, а в нашем деле нужна смекалка! И он приучал Алесю к смекалке. Тот, бывало, наладил станок колен на триста, по норме, а Федор Федорович поглядит и скажет:

— Ну-ка, давай на пятьсот попробуем. — Разве это возможно?

— Неужели же нет! Практика, брат, показывает, что пределов для с/ема нет. Все, брат, в наших руках! Ты представительным влом займись, обомзуй, покрути, может чего-нибудь и получишь. Человек Коротков был беспредельный. Оставалось лишь на достигнутом не думать и Алексю приучал к тому же.

— Самое главное, — в человеке стремление должно быть, — говорил мастер. — Однажды случился так: пех получил срочный заказ. Работали много, во в срое не укладывались.

— Нет, — говорил Федор Федорович. — Так у нас дело не пойдет. Только люди устанут. Нужно чего-нибудь другое придумать.

— А что? — допытывался Алексей.

— Лунный! — говорил Федор Федорович. — а я думаю буду.

И они думали, пробовали, испытывали. Достали тугое изделие, расточили вал, приспособили, установили на алесин станок, заменили скорость, и в первый же день станок, вместо восьмисот предельных, дал тысячу двести колен за смену! Заказ выполняли досрочно. Министр награждал Судыня значком отличника, почетной грамотой, месячным окладом.

Это были первые в его жизни награды, поощрения, дорожка назад было это впервые испытываемое ощущение собственной силы, умения, мастерства, сопоставления собственной личности и значимости. В эти дни Алексю Судыня привалил в комсомол.

4.

Вот, наверное, тогда и пришла к нему эта страстная мысль: зная. Теперь он засиял в цехе допоздна. Вместе со слесарями разбирая станки для ремонта. Добывая до самой суровости, стремясь постичь назначение и смысл мадеишей де-

тали. Чтобы управлять станком, как Хозяина, нужно было знать его в совершенстве. А разве это так просто — знать? Он взялся за книгу.

— Ну, как, Алексей, специальность-то какая? — спрашивал Коротков.

Теперь Судыня работал наладчиком, обслуживавшим восемь автоматов вместо положенных четырех по норме. Самые сложные типы колен обрабатывались на его станках. Самые высокие показатели были в его бригаде.

— Судыня народ уважает, — коротко говорил о нем начальник цеха. Судыня.

По парод не только уважал Судыня. Народ в цехе равнялся по нему. На обслуживании двойного количества станков первыми перешли его смежники: Абрамов, Горчаев.

— Алексей на своих станках все сделал, — говорил об очередном его новшестве ставший начальником производства Коротков. — А вы хуже? Или, может, вы лжете? Думайте!...

И думал автоматчик, шафвоальщик, сборщик, друг Алексю по ремесленному, по цеху. В результате возникали новые десятки рабочих предложений, производительность цеха росла. Так начинал люди на заводе равняться по новатору Судыню.

5.

По особенно проявились все качества Судыня-рационализатора, искателя в эти дни борьбы за экономию, за сверхплановые накопления.

Тридцать миллионов рублей сверхплановой экономии обещал дать стране парничок-инженерный завод. А разве ладнее их, если не творить, не приводить в движение все новые и новые резервы?

И Алексей в эти дни продолжал искать. Он переходил на обслуживание двенадцати станков вместо восьми (тройная норма наладчика). Он доводил до минимума срез металла при обработке колен на своих станках. Он замечал копы труб и прутков в 200—300 миллиметров диаметра, валившиеся в цехе, остатки металла, уходящие в отходы, и вносил предложение об их использовании. Почему делает он все это? Потому, что это его вклад в московские миллиарды. Вклад Алексю Судыня.

Кстати, он выполняет тем самым поручение комсомольской организации: в цехе его выбрали ответственным за комсомольский пост экономии.

Судыня идет с каждым новым предложением к начальнику отделения Скорючкину. Теперь в его жизни Скорючкин значавет, пожалуй, такое же место, как в свое время Федор Федорович Коротков. Разные люди — Коротков и Скорючкин. И внешность, и характером. А вот судьбы у них схожие. Оба пошли на завод, не имея квалификации. Оба стали мастерами. Оба душу вложили в дело и в общеплановое в жизни — то стремление, та творческая страсть к новизне, о которой говорил в свое время мастер Алексю.

— Дело надумал! — говорит Николай Иванович Скорючкин, вызывая Судыня, пришедшего с новой идеей, — подождем. И в тот же день механик удлиняет подающую трубу в автомате, и количество металла в отходах уменьшается вдвое, втрое. Растет вклад Алексю Судыня в московские миллиарды!

Последнее предложение Алексю Судыня — предложение зрелого мастера и конструктора. Вот где допоздна сказывается уничтожение разницы между физическим и умственным трудом! Вместо одного копыла — два дает за одну и ту же операцию переделанный Судыня станок. Это значит: вдвое увеличивается с/ем колен с автомата. Вдвое повышается производительность рабочего у станка. А экономия затрат на каждом станке достигает тридцати тысяч в год. И опять это вклад в московские миллиарды!

Вот почему имя Алексю Судыня все чаще и чаще упоминается в заводских радиопередачах. Вглядываясь в упрямое юношеское лицо на свежей газетной странице, я стараюсь представить себе парничка, пришедшего на завод в трудную зиму серых второго года, представлять себе, как много сделал завод, как много совершил коллектив для воспитания новатора, молодого человека нашего времени, будничного труд которого стал высокоинтеллектуальным.

На аттестат зрелости

МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ МОСКВЫ ЗАВЕРШАЮТ СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Сорок три тысячи юношей и девушек обучаются в 138 школах рабочей молодежи столиц. Заведующий Московским городским отделом народного образования тов. А. Орлов сообщил сотруднику «Литературной газеты», что в нынешнем году эти школы закончили 27.000 человек. 1 сентября к занятиям приступило 28.740 новых учащихся. Все сто тридцать восемь школ были полностью укомплектованы до начала занятий. Для молодежи к учебе столь велика, что некоторые предприятия поставили вопрос о расширении вечерних школ, где занимаются их молодые рабочие.

Характерная особенность нынешнего учебного года: среди вновь поступающих — не только молодежь, но и люди старшего возраста. Так, например, в школе на Трехгорном валу немало учеников тридцати пяти-сорока лет. Применительно к условиям работы учащихся здесь организованы занятия в три смены. Созданы также классы, обучение в которых ведется и по воскресеньям.

За парты вновь сели многие молодые рабочие в рабочих, окончившие ранее ремесленные училища и школы ФЗО. Получив в учебных заведениях трудовые ресурсы специальной подготовки, эти юноши и девушки теперь стремятся завершить среднее образование и получить аттестат зрелости.

Чем же вызван столь большой приток учащихся в школы рабочей молодежи? В первую очередь серьезными изменениями в технике производства. Новая техника, внедряемая на заводах и фабриках Москвы, требует от рабочего не только знания специальности, но и общей культуры. Автоматизация и механизация производства, повышение класса точности, скорости работы ставят перед станочником за-

дачу — ориентироваться в сложных машинах, знать основы физики, химии, геометрии.

Очень показательно, что многие командиры производств теперь сами настаивают на том, чтобы их рабочие поступали в школу. Накануне осеннего приема руководители цехов и мастера, представители партийных и профсоюзных организаций заводов вели беседы с молодежью, разъясняя, как важно овладеть знаниями. Уже после начала учебного года в некоторые школы приходили мастера, ходатайствуя о дополнительном приеме молодых рабочих своего участка. Так было, например, в школе при автозаводе имени Сталина. Сюда недавно пришел мастер и четверо молодых станочников. Мастер просил принять их на учебу, мотивируя свою просьбу тем, что юноши проявляют большие способности, но им трудно без среднего образования освоить новую технику.

Командиры производства часто посещают школы, интересуются тем, как занимаются их молодые товарищи; следят и за тем, чтобы учащиеся не задерживались в цехе после гудка, не переводили в другие смены.

Известное влияние на успех занятий в школах рабочей молодежи оказывает тот факт, что в третьем году сталинской пятилетки подавляющее большинство предприятий столицы работает ритмично, по графику. На производстве резко сократились сверхурочные работы. А ведь именно по этой причине в прежние годы молодые рабочие пропускали занятия в школах. Сейчас созданы все условия для высокопроизводительного труда и плодотворных занятий.

Цифры роста учащихся в школах рабочей молодежи Москвы свидетельствуют о больших и интересных процессах, происходящих в рабочем классе нашей страны.

По следам выступления
«Литературной газеты»

«Во власти буржуазного объективизма»

В № 70 «Литературной газеты» была опубликована статья А. Арнольдова и П. Трофимова «Во власти буржуазного объективизма». В ней были подвергнуты критике программы по истории искусства для художественных вузов.

Министерство высшего образования провело расследование, которое показало, что «программы действительно содержат ряд существенных недостатков», что они «требуют дополнительной доработки».

В письме заместителя председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР тов. Ф. Калашникова отмечалось, что «т. Арнольдов и Трофимов в своей статье правильно вскрыли ошибки и недостатки программ, «их замечания будут учтены», и в ближайшее время по этому вопросу будет проведено специальное совещание авторов проектов, критиков и работников Академии художеств.

Однако руководство Комитета по делам искусств неверно, заявляя о том, что программы не утверждены. На титульных листах трех текстов анализируемых программ совершенно ясно сказано, что они утверждены Всесоюзной конференцией художественных вузов в Ленинграде в ноябре 1947 г.

Министерство высшего образования в своем письме также опровергает утверждение представителя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР о том, что указанные программы еще не рекомендованы Комитетом для преподавания в вузах, и считает, что «УЗЗ Комитета не может считать с себя ответственности за их содержание».

БОРЕЦ ЗА ПЕРЕДОВУЮ НАУКУ

К 50-летию со дня рождения Т. Д. Лысенко

Алексей ЮГОВ

Восемнадцатого февраля 1922 года Тамбовский губернский исполнительный комитет поучил от Совета Народных Комиссаров телеграмму:

«Опыты по получению новых культурных растений имеют громадное государственное значение. Срочно пришлите доклад об опытах и работах Мичурина Бозловского уезда для доклада председателю Совнаркома Ленину. Исполнение телеграммы подтвердите».

Лениным надо было быть, чтобы среди войн и разрухи, в грохоте событий, потрясавших земной шар, не только увидеть в заштатном Бозловском скромного ученого, а и усмотреть в его тихих садоводческих занятиях опыты «громадного государственного значения»!

Сталиным надо было быть, чтобы проводить соревнования науки всемирного значения в работах этого гениального самоучки, ставшего основоположником новой биологии.

Если Чарльз Дарвин объяснил происхождение новых форм животного и растительного мира, то Иван Владимирович Мичурин, руководствуясь своим учением, буквально лепил новые растительные формы, нужные человеку. Так сказала о Мичурине продолжатель и наследник его великого дела, сделавший мичуринскую биологию опорой социалистического земледелия и в то же время достигший в ней новых вершин, — народный ученый, академик Трофим Денисович Лысенко, президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

Президент принимает. Он пришел сюда, в свой кабинет в Сельскохозяйственной академии, с опытных полей в Горках Ленинских, отработав там сопознание с учением Т. Д. Лысенко, чтобы он ухитрился выработать несколько рабочих дней из одного обычного.

Странный кабинет. Огромный геральдический зал борских хоров. Повсюду — на столах, на паркетном полу, повсюду — на стенах, на рабочем столе господствуют не бумаги, а широко раскинуты с различными минеральными удобрениями, колбачки с образцами семян, корей кой-касы, плоды мичуринских садов, огромные початки кукурузы, чудовищной величины клубни картофеля, колосья ветвистой пшеницы.

В этом геральдическом зале древних борских хоров с зарежеченными окнами ныне находится штаб нашей агрономии.

Стремительно освободившись от кейки и пальто, словно досадуя, что и на это терается частота неважного времени, Т. Д. Лысенко подходит за стол.

Ему противен «языковой жвак», пустословие. Он смеется над псевдонаучной пошлостью, без которой ныне на «жрецов» науки даже и не мыслит себе русской речи.

Вот один из принимаемых им семина научных сотрудников читает ему план своей работы. Инструкции и всяческие «защитные словеса» здесь хоть отбавляй. И президент «возражает». Он резко отключается назад. Косе криво русых волос, опущенных на лоб слева, рассыпалось. На крупном, худом, резких мужественных чертах, лице отразилось раздражение. Он насмешливо повторил одну из фраз докладчика.

«Оптимальный индекс продуктивности... позволяет, при соответствующих условиях воспитания, уверенно проинтегрировать чистые линии...» Непонятно! Да оставьте вы все эти ажурные! Себя обманываете!.. Вы чем занимаетесь?

— Бумаги.

— Ну так и пишете: «Исследование приобретенных признаков у кур». Как будто «куры» звучит так плохо, что чужному несправедливо о них и говорить! Уверю вас, не плохо звучит «куры»!

Сотрудник смущен. Путаница и засоренность своего языка иностранца он признает. Однако с некоторыми замечаниями президента по существу дела он еще вполне согласен. Он возражает. Ну, что ж, это — пожелания, сколько угодно. В спорax рождается истина. Лашь бы ты говорила дело!

Мысль Лысенко огульна до предела.

Своеобразно, до крайности сжато излагает он свои научные воззрения, представления, наметки. Он бросает залпы мыслей, уверенный, что людям высшей науки назидания связующая «примазка» не нужна. Он мыслит «квантами», если позаниматься слово из физики наших дней. Это «квантовое мышление» мне приходилось наблюдать и у Павлова на его «средах» и в клинических конференциях.

Однако способ беседы Трофима Денисовича резко меняется, когда к нему приезжают колхозные бригады за разъяснениями. Тут он пускает в ход все свое незаурядное искусство педагога, тут он не жалеет сил и в рассказе, и в показе. Мало этого, он применяет изощренное искусство распраса. Он не только учит — он и учится.

Один из представителей вредной «секции» в биологической науке, ведущей свое начало от Августа Вейсмана, некий профессор, пришел при мне к президенту Академии сельскохозяйственных наук с чем-то вроде клятвенным или поканиной. Каяться ему было в чем — и не перед Лысенко, а перед паромом! Последователи немцев — Вейсмана и Менделя — и американца Моргана проповедывали в университетских кафедрах, будто бы тело растений и тело животных — это всего-навсего только футляр, питательная среда для хромосом, а как-то выдуманным, вечным и передающимся для внешней среды «наследственным веществом». Они утверждали, что пороки, иначе говоря, наследственность организма — в животном, и растительном — ничуть не изменяется, сколько бы мы ни изменяли условий жизни. А отсюда следовал неизбежный вывод, который морганисты не стеснялись проповедывать с кафедры, — на племенных формах, на семейных участках: не надо заводить хорошую зоотехнику и агрохимию, так как, дескать, ни плохие, ни хорошие условия никак не изменят породу.

К счастью, народ во-время отбросил эту импортированную, немецко-американскую лженауку.

...Итак, Вейсманит — да еще и матерой — пришел к президенту ВАСХНИЛ с белым флагом. Он спросил Трофима Денисовича, будет ли тот помогать им, вчерашним убежденным Вейсманитам, «сперебравшимся» на мичуринскую биологию.

Лысенко устало потупил папиросу и пепельница.

— Что вы от меня хотите, не могу я взять в толк! — спросил он.

— Ну, будете ли вы... помогать?

— Я вас трюмю! — резко спросил Лысенко.

— Лашь... Громили.

— Так как же вы говорите, что не помогаю? И впредь буду громить. Разгром заблуждений — это же лучшая форма помощи человеку науки... Если только он искренне заблуждался.

Гость поубоялся:

— Я думаю, что в моей искренности... — Ах, так!.. Тогда — знакомы ли вы с этим, вот, нашим опытом? — спросил, вставая, Лысенко.

Через мгновение перед посетителем был распахнут небольшой ящик. Там ничего не было, кроме веток с плодами томата. Была там и веточка, на которой один плод был белый, другой — красный. Всем своим поведением высокоученый гость обнаружил свое знакомство с этим опытом.

Существо опыта было доступно пониманию и неученого человека. Черенок томата сорта «альбино», у которого белые плоды и рассеченные листья, и привил на красноплодную форму мексиканского томата, с листьями палочкой картофельных. И вот в семенном потомстве появились (т. е. красноплодный томат) были получены растения, которые имели белые плоды и рассеченные листья. Иначе говоря, плод был по потомству по типу привоя и по окраске плодов и по форме листьев. Кроме того, в потомстве появились растения, на ветке которых зрели вместе белый и красный плоды. Но

ведь очевидно, что никакие хромосомы — эти мнимые носители «наследственного вещества» — не передавали здесь из одной покровной клетки в другую. Ведь это не было половое скрещивание. Это была прививка, «аггегативная гибризация» по Мичурину. Растения здесь обменивались между собой только соками.

Этого важного опыта было бы достаточно, чтобы подтвердить истину мичуринско-лысенковской биологии. Живое тело вообще, любая его часть, обладает породой, то-есть наследственностью. В организме есть и могут быть различные органы, но нет и не может быть органа наследственности. Искать в организме орган наследственности — это все равно, что искать в организме... орган жизни!

...Приведший к капитализму профессор-вейсманит долго размышлял.

— Лашь... — сказал он, наконец, — этот факт не укладывается в хромосомную теорию. Эти факты требуют... дополнительной теории.

Лысенко вспоминал...

— Ага... Стало быть, у Вейсманитов в голове две, три теории могут одновременно укладываться касательно одного и того же? Я вижу, у вас и Ломоносов и учение о флогистоне чудесно могут ужиться! Общественные головы! Теперь о вашей «аггегативной гибризации». Ведь этот опыт кричит! Сейчас вы признали, что в хромосомную теорию наследственности он не укладывается. Но ведь столько лет вы не хотели этого видеть!

«Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и часто предвещающее, к голосу опыта, практики», — говорил товарищ Сталин.

Одним из сильнейших представителей такой, именно Сталинской науки и является Трофим Денисович Лысенко. Социалистическое земледелие и Лысенко, — одно из другого оторвать невозможно.

Как гневно высмеивал он наших морганистов-«хромосомопоклонников», которые в дни Великой Отечественной войны не нашли более достойного применения своим силам, как изучать в разрушенных немцами городах, сколько упало... мух с одним количеством хромосом и сколько — с другим!

С презрением отворачивается народ от такой «мушкетерской» науки!

...Взгляд Трофима Денисовича в науку огромный. Его теория стадийного развития растений и основанная на ней агробиология — это целый переворот в агробиологии. А взгляд его в жизнь народа — в миллионы тонн добавочного хлеба, картофеля, хлопчатника, проса и других культур — не поддается учету.

Лысенко возродил культуру картофеля на юге Украины путем летних посевов и добился улучшения ее породы. Этим он еще раз доказал, что наследственность зависит от внешних условий.

Яровизацией пшеницы Лысенко передвинул ценные «твердые» сорта пшеницы далеко на север.

Его способ посева озимой пшеницы по необработанным стерневым даст озимую пшеницу степным, жестким по климату районам Сибири. Наследственное изменение яровой пшеницы в озимую не только даст наиболее морозостойкие формы озимой пшеницы, но означает блестящий эксперимент, который полностью подтверждает основное в мичуринской агробиологии: наследственность, пороки организмов можно управлять!

А чепуха хлопчатника? А, наконец, ко-сагзы, который американцы зовут «русский каштан»? «Делиция» Трофима Денисовича — это миллионы гектаров. Помощники его, лаборанты и ассистенты — весь многомиллионный колхозный народ. Они доверяют ему. Он доверяет им.

Это не для красного словца сказано! Достаточно привести один только пример из совместной работы этого огромного ученого с рядовыми колхозниками, чтобы по-

бразами для пулеметов и пушек, бетонированными бинажами, впускными в каменный грунт гор, впускными в расеянные скалы, огненными точками всевозможного вида и оборудования. Столько было нущено в дело металла, цемента в сочетании с природной прочностью камня, выложенного грубой кладкой, столько затево вооружения и боеприпасов, столько изтупило было употреблено на обеспечение неприступности всяческих оборонительных сооружений, что и по одним этим приметам легко было бы представить, какой серьезной силой сопротивления, какой всегашней реальной угрозой для оккупантов были сыны ора, албанские партизаны.

Их воинственный дух и воинский нарек считала традиция вековой борьбы против иноземного ига. Мне рассказывали албанские поэты, любящие и хорошо зная родной фольклор, что еще в старинных песнях юга и севера Албании встречается образ девушки-воина, несущей боевое оружие. Албанцы всегда были мало числом против врага, и владеть оружием должны были все, даже женщины и дети. Так оно было и в этой войне.

Но неукротимое упорство в нынешней борьбе, вера в победу и ее исход несли иной, чем исторический, источник — существование на земле Советского Союза, России, Москвы, страны социализма. Об этой стране, о партии, руководящей ею, албанские коммунисты знали по книгам Ленина и Сталина. Учение, освещающее человечеству дорогу к свободе и счастью, на всех языках одно. Оно воспринималось и усваивалось вожаками албанского народа и пустило передалось им нараву.

Имя нашей страны, имя ее вожака прочно поселилось в сердце народа Албании, отделившей от нас цепями гор, большими

бразами для пулеметов и пушек, бетонированными бинажами, впускными в каменный грунт гор, впускными в расеянные скалы, огненными точками всевозможного вида и оборудования. Столько было нущено в дело металла, цемента в сочетании с природной прочностью камня, выложенного грубой кладкой, столько затево вооружения и боеприпасов, столько изтупило было употреблено на обеспечение неприступности всяческих оборонительных сооружений, что и по одним этим приметам легко было бы представить, какой серьезной силой сопротивления, какой всегашней реальной угрозой для оккупантов были сыны ора, албанские партизаны.

Их воинственный дух и воинский нарек считала традиция вековой борьбы против иноземного ига. Мне рассказывали албанские поэты, любящие и хорошо зная родной фольклор, что еще в старинных песнях юга и севера Албании встречается образ девушки-воина, несущей боевое оружие. Албанцы всегда были мало числом против врага, и владеть оружием должны были все, даже женщины и дети. Так оно было и в этой войне.

Но неукротимое упорство в нынешней борьбе, вера в победу и ее исход несли иной, чем исторический, источник — существование на земле Советского Союза, России, Москвы, страны социализма. Об этой стране, о партии, руководящей ею, албанские коммунисты знали по книгам Ленина и Сталина. Учение, освещающее человечеству дорогу к свободе и счастью, на всех языках одно. Оно воспринималось и усваивалось вожаками албанского народа и пустило передалось им нараву.

Имя нашей страны, имя ее вожака прочно поселилось в сердце народа Албании, отделившей от нас цепями гор, большими

бразами для пулеметов и пушек, бетонированными бинажами, впускными в каменный грунт гор, впускными в расеянные скалы, огненными точками всевозможного вида и оборудования. Столько было нущено в дело металла, цемента в сочетании с природной прочностью камня, выложенного грубой кладкой, столько затево вооружения и боеприпасов, столько изтупило было употреблено на обеспечение неприступности всяческих оборонительных сооружений, что и по одним этим приметам легко было бы представить, какой серьезной силой сопротивления, какой всегашней реальной угрозой для оккупантов были сыны ора, албанские партизаны.

Их воинственный дух и воинский нарек считала традиция вековой борьбы против иноземного ига. Мне рассказывали албанские поэты, любящие и хорошо зная родной фольклор, что еще в старинных песнях юга и севера Албании встречается образ девушки-воина, несущей боевое оружие. Албанцы всегда были мало числом против врага, и владеть оружием должны были все, даже женщины и дети. Так оно было и в этой войне.

Но неукротимое упорство в нынешней борьбе, вера в победу и ее исход несли иной, чем исторический, источник — существование на земле Советского Союза, России, Москвы, страны социализма. Об этой стране, о партии, руководящей ею, албанские коммунисты знали по книгам Ленина и Сталина. Учение, освещающее человечеству дорогу к свободе и счастью, на всех языках одно. Оно воспринималось и усваивалось вожаками албанского народа и пустило передалось им нараву.

Имя нашей страны, имя ее вожака прочно поселилось в сердце народа Албании, отделившей от нас цепями гор, большими

бразами для пулеметов и пушек, бетонированными бинажами, впускными в каменный грунт гор, впускными в расеянные скалы, огненными точками всевозможного вида и оборудования. Столько было нущено в дело металла, цемента в сочетании с природной прочностью камня, выложенного грубой кладкой, столько затево вооружения и боеприпасов, столько изтупило было употреблено на обеспечение неприступности всяческих оборонительных сооружений, что и по одним этим приметам легко было бы представить, какой серьезной силой сопротивления, какой всегашней реальной угрозой для оккупантов были сыны ора, албанские партизаны.

Их воинственный дух и воинский нарек считала традиция вековой борьбы против иноземного ига. Мне рассказывали албанские поэты, любящие и хорошо зная родной фольклор, что еще в старинных песнях юга и севера Албании встречается образ девушки-воина, несущей боевое оружие. Албанцы всегда были мало числом против врага, и владеть оружием должны были все, даже женщины и дети. Так оно было и в этой войне.

Но неукротимое упорство в нынешней борьбе, вера в победу и ее исход несли иной, чем исторический, источник — существование на земле Советского Союза, России, Москвы, страны социализма. Об этой стране, о партии, руководящей ею, албанские коммунисты знали по книгам Ленина и Сталина. Учение, освещающее человечеству дорогу к свободе и счастью, на всех языках одно. Оно воспринималось и усваивалось вожаками албанского народа и пустило передалось им нараву.

Имя нашей страны, имя ее вожака прочно поселилось в сердце народа Албании, отделившей от нас цепями гор, большими

бразами для пулеметов и пушек, бетонированными бинажами, впускными в каменный грунт гор, впускными в расеянные скалы, огненными точками всевозможного вида и оборудования. Столько было нущено в дело металла, цемента в сочетании с природной прочностью камня, выложенного грубой кладкой, столько затево вооружения и боеприпасов, столько изтупило было употреблено на обеспечение неприступности всяческих оборонительных сооружений, что и по одним этим приметам легко было бы представить, какой серьезной силой сопротивления, какой всегашней реальной угрозой для оккупантов были сыны ора, албанские партизаны.

Их воинственный дух и воинский нарек считала традиция вековой борьбы против иноземного ига. Мне рассказывали албанские поэты, любящие и хорошо зная родной фольклор, что еще в старинных песнях юга и севера Албании встречается образ девушки-воина, несущей боевое оружие. Албанцы всегда были мало числом против врага, и владеть оружием должны были все, даже женщины и дети. Так оно было и в этой войне.

Но неукротимое упорство в нынешней борьбе, вера в победу и ее исход несли иной, чем исторический, источник — существование на земле Советского Союза, России, Москвы, страны социализма. Об этой стране, о партии, руководящей ею, албанские коммунисты знали по книгам Ленина и Сталина. Учение, освещающее человечеству дорогу к свободе и счастью, на всех языках одно. Оно воспринималось и усваивалось вожаками албанского народа и пустило передалось им нараву.

Имя нашей страны, имя ее вожака прочно поселилось в сердце народа Албании, отделившей от нас цепями гор, большими

СОВЕТСКАЯ КНИГА В ВЕНГРИИ

ВЫСТАВКА В БУДАПЕШТЕ

Несколько дней назад в Будапеште состоялось торжественное открытие выставки советской книги. Это событие, несомненно, сыграет положительную роль в укреплении дружбы между народами СССР и Венгрии.

Советская книга появилась в Венгрии, по существу говоря, лишь после освобождения страны от немецких фашистов и их хортистских подручных. До этого каждое слово правды о Советском Союзе каралось тюрьмой, а распространение советской литературы — концлагерем.

Вначале венгерский народ узнал советского человека во всем величии его благородства — советского воина-освободителя. Книги пришли после.

В первое время это были напечатанные переводы стихов и рассказов отдельных советских писателей. Как-то, в разгар боев, в редакции одной дивизионной газеты явился худой, бедно одетый юноша. Он назвался Кипш Янош.

— Дайте мне советские стихи, — сказал он. — Я буду переводить их.

Он ушел, бережно сжимая сборник советских песен. На окраинах города Хатван еще не затихли бои, а по улицам уже бегали мальчишки, стучали в закрытые двери, заглядывая в окна:

— Советские стихи, советские стихи! Перевек Кипш Янош!

И когда через несколько дней в город входили армейские тылы, жители встречали их песнями «Волга, Волга», «Катюша», «Широка страна моя родная».

Однако было бы ошибкой полагать, что венгерский народ ничего не знал о всемирно-историческом значении прогрессивной русской литературы. Необычайный интерес к советской книге объясняется также и тем обстоятельством, что венгерские читательские круги видят в советской литературе продолжение и развитие

лучших традиций русской литературы прошлого, которая была широко известна многим поколениям венгров.

И неудивительно, что в числе 4.000 книг, размещенных сегодня на выставке в Будапеште, мы можем видеть любовно изданные произведения классиков русской литературы — Пушкина, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького.

По подсчетам венгерских библиографов, в Венгрии переведены произведения 353 русских и советских авторов. Только после освобождения Венгрии от господства гитлеровцев был удовлетворен огромный интерес широких масс венгерских тружеников к передовой литературе страны победившего социализма.

За последние три года в Венгрии издана не одна сотня книг советских писателей и поэтов. Венгерские переводчики познакомили читателей с поэмой А. Блока «Двенадцать». В Маяковский стал любимым поэтом венгерской молодежи. Переведены на венгерский язык «Разгром» А. Фадеева, «Чапаев» Д. Фурманова, «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Русские люди» и «Дни и ночи» К. Симонова, романы и статьи И. Эренбурга, стихи М. Исаковского, Е. Домостовского, Л. Первомайского и много других произведений. Огромную популярность завоевала книга В. Горбачева «Ненужные войны».

В живых, правдивых, высокохудожественных произведениях советских писателей венгерские труженики находят ответы на волнующие их вопросы новой социалистической морали: быта, труда, строительства нового общества. Понятно поэтому, с каким глубоким вниманием читается в Венгрии каждая вышедшая советская книга.

Читатели о книгах

В фиордах Баренцова моря

Я хочу поделиться впечатлениями о новой повести, уже нашедшей благодарного читателя в нашей военной среде.

Почтен и благороден нелегкий воинский труд разведчика. Мужественное сердце сочетается у него с острым и ясным умом, решимость — с трезвой рассудительностью.

И, однако, написано о разведчиках очень немного. Боевым подвигам разведчиков посвящена моя повесть «Боман с «Тумана» Николай Панов.

Действие разворачивается в Заполярье, в годы Великой Отечественной войны. Четверо моряков-североморцев получают от командования задание: разведать, где расположен завод секретного оружия, строящийся немцами в безлюдных скалах Северной Норвегии. Они находят этот завод, превозмогая многие препятствия и опасности, а затем способствуют его уничтожению. Таков в самых общих чертах основной сюжетный стержень книги, разветвляющийся на множество острых и увлекательных глав.

Жизненная правдивость, отказ от условностей, издана узаконенных в приключенческом жанре, обилие реальных исторических подробностей, наблюдательные и точные детали подлинной флотской жизни — все это составляет новые черты, выгодно отличающие ее от тех приключенческих книг, в которых разгуливали трагические марионетки и совершались нелепые «бываи».

Центральная фигура повести — Сергей Агеев, боман с погребного военного ко-

рабля, ставший замечательным, популярным следователем. В этом образе писатель красочно раскрыл мужественную романтику героической профессии советского военного-разведчика.

Выпукло и ярко обрисован командир разведчиков капитан Людов — культурный, многосторонне образованный человек. Людов знает не только анализом и обобщением доставленного разведчиками материала. Он и сам, когда это нужно, идет вместе с отрядом в операцию и действует там умно, решительно и смело.

Своеобразие повести определяется во многом тем, что читатель сразу распознает в авторе поэта.

Об этом напоминают не только стихи, предисловие повести и словно бы входящие в суворовую атмосферу заполярной морской войны, но и описания северной природы, и портреты героев.

Отмечая бесспорные достоинства увлекательной и в целом удачной книги, следует предупредить ее автору и некоторые упреки.

Для читателя, хорошо знающего реальную обстановку боевой жизни разведчиков, несколько наивно, а иногда и натянуто прозвучат некоторые второстепенные сюжетные положения. Иные главы повести написаны с досадой законченностью.

Эти частные недостатки не могут, однако, заслонить главного.

Книга Н. Панова имеет бесспорное воспитательное значение. Она поможет нашей молодежи узнать и полюбить одну из романтических и благородных воинских специальностей.

М. АЛЕКСАНКИН,
генерал-майор в отставке.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Албанские записки

1. Страна орлов

Штиперы, или Штиперия, так всегда называли и называют албанцы свою страну, что значит: страна орлов. А себя они зовут штиперами — сынами орла. Албанцы, албанцы — это звучит для них привычным именованием. Но в этом наименовании албанцы не усматривают чего-либо неуважительного или неприятного национальному чувству: они воспринимают это как перевод своего подлинного имени, принятого и утвердившегося в международном обиходе. И только когда вы полагаете в эту страну, населенную народом — старожилом Европы, народом со своим языком не похожим ни на один из языков Европы или Азии, звучания, со своим прочным национальным укладом, своей глубокой историей и полным невняданным пережитым настоящим, вам с горделивой скромностью и достоинством рассказывают настоящие имя страны и ее обитателей. И живя там, хотя бы и недолгое время, вы в числе первых иловоробренных слов незнакомого языка усваиваете эти: Штипер, штипер.

В них заключена очень емкая поэтическая характеристика этой страны гор, уходящих вершинами в просторы южного неба, и древнего храброго и свободолюбивого народа, с его горными орлиными непокорством суровым и трагическим судьбой, выпавшим на долю его многовековой истории.

Можно оставить покамест эту историю, века разбита народа под игом иноземных

завоевателей и его не угасавшей в горах борьбы против римлян, венецианцев и турок; назвать героической двадцатипятилетней войной, которую вел в пятнадцатом веке национальный герой Албании Скендербег за независимость родной земли; думать о тех эпохах неуспешного сопротивления, о которых свидетельствуют руины старинных крепостей и замков, упавшие там и сям по всей стране и цветом обветренного и обветшавшего камня сливающиеся с оглевыми горными выступами и склонами.

Но у всех на памяти, живой памяти нынешнего десятилетия, — борьба албанского народа против итальяно-фашистских захватчиков, провозвестивших своим вторжением в 1939 году на албанское побережье эпоху страшных потрясений на свете, разбойничьего шествия фашистских армий по Европе, четырехлетней битвы советского народа с гитлеровскими армиями и нашей славной победы над ними.

Трудно преувеличить мужество этого небольшого, в сущности, безоружного народа, начавшего где-то там, в своих горах, по своей, невообразимой для оккупантов, дерзости войну против них в пору, когда немцы рвались к Волге.

По счастью, по историческому чутью албанский народ в эти грозные времена угадал свою новую судьбу, нашел своего вождя на спасение в борьбе советского народа против главных и ретивых сил фашизма. И, поверившись этой своей догадке, он пошел за коммунистами, организаторами партизанского движения, и стал

беззаветно сражаться против врага, у него же добытая оружие.

Когда вошли в Албанию, проезжая по ее горным дорогам, остывающие тапки или машины, вставшие по обрывам каменных ущелий и торчащие в мелкой вде горных рек, или покрывшие в шепки части самолетов, белеющие где-нибудь, подобно костям неизвестных животных, рваные жерла пушек и тому подобный военный зом, незачем спрашивать, чья это: у албанцев ничего этого не было. Не только танков, машин, самолетов, но даже ни одной легкой пушки не было.

Вооружение «декоративной» армии короля Зогу, в первый же день после итальянского вторжения бежавшего в Грецию, было полностью похищено итальянцами.

Англичане, препроводившие на всякий случай своих наблюдателей в стан партизанских войск, за все время сбегали албанцам в виде союзнической помощи несколько музейных пулеметов и таких же устаревших винтовок без боеприпасов.

Но борьба не затихала, воевали старые и малые, воодушевленные верой в победу над врагом, против которого в неистовом союзе с албанцами, как и со всеми другими большими и малыми свободолюбивыми народами, был советский народ.

По дороге в деревню Братия, о которой еще будет отдельная речь, мне показывали большой мост через реку Шиниш, который за время войны был разрушен и восстановлен более тридцати раз.

Всю Албанию итальянцы, а затем немцы застроили каменными башнями с ам-

пространствами земель и морей и всей заглушающей глубиной мирового фронта войны.

Эвер Холжа рассказывает:

— Мы слушали советское радио, сводки Информбюро, а затем приказы Верховного Главнокомандующего, все время войны, каждый день от начала и до конца. Мы понимали, угадывали содержание каждой передачи. Нашему слуху были привычны названия многих городов, рек, районов западной части Союза, наименования частей и соединений, имена военачальников и героев Красной Армии. Они были для нас родными и дорогими, как и для нас, каждая наша потеря была скорбью для нас, каждая удача в войне — великой радостью.

Это живое ощущение кровной связи с далеким, но верным и мужественным другом при отсутствии какой бы то ни было фактической связи можно сравнить с тем чувством, каким олушевлен полк, сражающийся во вражеском окружении, владеет своей армией, частью которой, боевой, действующей частью, он продолжает себя считать. С таким ощущением кровной связи, слияния воинского братства с борющимся советским народом воевали албанцы. По грохоту мирового фронта, сотрясавшего огромные пространства от северных до южных морей Европы, казалось, заглушал эту маленькую горную войну, которая не была маленькой для тех, кто ее вел. В этой войне албанский народ терпел жестокие поражения, терпел жестокие победы, но вести о них резко и глухо доносились за пределы родных гор. Вожаки партизан, по словам Эвера Холжа, знали, что подчас какой-нибудь горный старик мог получить и даже мог сказать, особенно в трудные дни боевых неудач: «Вот, мол, вы гово-

рите о Советском Союзе, о Красной Армии, а может, они-то о нас ничего и знать не знают, у них своих забот довольно».

— Так попытаетесь же себе представить, что было с людьми, когда в 1944 году пронеслась весть о том, что у нас находится советский человек — товарищ Иванов, что он где-то здесь, в Албании...

Рассказ об этом событии я слышал и от Эвера, и от его генералов, и от многих родных партизан того времени. И все одинаково при этом как будто вновь переживали всю остроту того волнения, какое им пришлось тогда пережить.

— Трое суток никто у нас не спал. Ни штаб, ни войска, никто. Но все же за радостной вестью пришла тревога, и тревога неуточенная. Иванов где-то здесь, на нашей территории. Может быть, он пострадал, ранен, может быть, ему нужна немедленная помощь, он заблудился в горах и ему угрожает опасность, а мы не знаем, — мы не можем его найти. Мы выставили маяки на всех тропах и дорогах, пенно прочесывали леса и кустарники по горам, обзавали, казались, каждый камень — нет Иванова. Да, да, мы делали все, что могли придумать, а его нет и нет. Мы не могли найти человека, который нам был дороже всего на свете, дороже каждой собственной жизни и многих наших жизней. Мы уже были почти в отчаянии, а он — ах, товарищ Иванов, товарищ Иванов! — а он — вот он! — плет по тропинке, идет в полной форме, идет и неточкой по сапогам полыхает, живой, невредимый. Идет и спокойно осматривается.

<

ГОЛОС МИРА

Во дворце Шайо, освещенном своим грузным тенью на зеленом холме Трокадеро, в эту субботу было особенно многолюдно. В зале находилось необычайно большое число гостей. На хорах располагались батареи кино- и фотоаппаратов и юнkers, возле которых, словно оружейные расчистки, дежурили кинооператоры и фоторепортеры, готовые приступить к делу. В полном собрании, наевшемся науки, сидели неслыханные журналисты. Параллельно особые напряжения, которые каждый год переживает Генеральная Ассамблея в день выступления представителей Советского Союза.

Воспоминания 1946 года, когда глава советской делегации В. М. Молотов, выступая на Генеральной Ассамблее в Нью-Йорке, внес предложение о всеобщем регулировании и сокращении вооружений. Присутствие советской страны на этой конференции — это и оборонение среди миллионов простых людей во всех странах земного шара. В речи советского министра иностранных дел прозвучал голос правды и мира, мира, который дорог и необходим и всему человечеству, и каждой простой человеческой семье, будь то в Австралии или Мексике, в Англии или Болгарии, в Америке или на Филиппинах, на Украине или в Индии.

Вспомним прошлый, 1947 год, когда советская делегация устала А. Я. Вышинского привозила к лозунгу столбу презренных поджигателей и подстрекателей новой войны, жаждавших вновь ввергнуть мир в пучину бедствий и поживиться за человеческой кровью. Позорная кличка «поджигатели войны», как клеймо, приклеена к черепам дельцов Уолл-стрит и их прислужников в других странах. Ее не стереть, она видна, как сияющая опасность и угроза, о которой открыто, на весь мир сказала советская делегация.

За истекшие два года угроза новой агрессии не уменьшилась. Поджигатели войны продолжают свое гнусное, таинственное дело, находя поддержку и покровительство у правых кругов США, Англии и их сателлитов. Представители этих стран в ООН не только не отказываются от своих намерений, но открыто отклоняют советские предложения, призывавшие к миру, к ликвидации угрозы новой войны. Но, лицемерно поднимая декларацию о регулировании и сокращении вооружений, о борьбе с пропагандой и поджигателями войны, они делают все, чтобы эти декларации остались неустойчивыми, а практические предложения советских представителей в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности старались потопить в болоте вечных оговорок и юридической казуистики.

Резолюция Генеральной Ассамблеи «О принципах, определяющих всеобщее регулирование и сокращение вооружений», принятая в 1946 году, была передана, как известно, Совету Безопасности. Посредством всевозможных уловок англо-американские представители умышленно, вопреки решениям Ассамблеи, отделили вопрос о сокращении вооружений от запрещения атомного оружия и других средств массового уничтожения людей. Везде затем эти дипломаты-эквиваленты завили, что сокращение вооружений невозможно без установления контроля над атомной энергией. В то же время в комиссии по атомной энергии представители тех же стран внесли такие предложения, которые заведомо комсомисно в ту или другую сторону. Суть американской политики заключалась в том, что США отказались от запрещения атомного оружия, ссылаясь на то, что, вначале, мол, нужно разработать систему международного контроля над атомной энергией. Когда же речь шла о контроле, то на первый план выдвигался контроль над источниками атомного сырья, а вопрос о контроле и инспекции над предприятиями, которые уже заняты производством атомных материалов, отодвигался на задний план.

Американские монополисты не прочь положить лапу на источники атомного сырья в других странах, но вслестки избегают контроля над своими атомными заводами. США добивались также создания такого контрольного органа, который был бы подобен своему рода международному атомному трибуналу в котором командовали бы американские монополисты. А чтобы свалить вину с большой головы на плечи, американские дипломаты твердили, как

попугай: «Раньше международный контроль, а затем запрещение». К этому злонамеренно добавлялось, что Советский Союз якобы не хочет установления контроля.

Американская «метода» не нова. Англо-американские дипломаты изобрели ее еще в Лиге Наций, когда заявляли: «Раньше безопасность, а потом разоружение». Теперь эту порочную фразу почти дословно повторяют американские дипломаты.

За эти два года мы были свидетелями разнузданной пропаганды войны. Страны американских газет несут пестрый вопиющий речам отставных и штатных генералов и адмиралов, на все лады скандирующих «атомное пугало». Сотни пропагандных листов разбрасывают якобы всемирную военную машину США, на географических картах пышно изображающих будущие рейды американских самолетов с атомной бомбой, предназначенной для уничтожения мирных городов, сел и деревень. Не так страшен чорт, как его малюют. Но поджигатели войны не упускают, разжигая военный пепел, обрабатывая и изурнавивая печатной пропагандой простого американца, англичанина, австралийца, француза.

В такой международной обстановке открылась третья сессия Генеральной Ассамблеи в Париже. За четыре дня, прошедших в этой сессии, было произведено немало речей. Среди первых по порядку ораторов был государственный секретарь США генерал Маршалл. О чем же повествовал это светило американской дипломатии?

На этот раз речь Маршалла местами была подобна своеобразному голубиному воркованию. Она состояла из мелочных фраз о правах человека и свободах. Он призывал членов Организации Объединенных Наций к применению качественных семян и удобрений, к борьбе с туберкулезом... С другой стороны, в неослабной форме Маршалл намекал на то, что, де, какие-то страны не хотят сотрудничать, создают пропасть, бойкотировать.

Напрасно было ожидать, что Маршалл скажет о том, как Союзные Штаты напугают важнейшие решения Генеральной Ассамблеи о сокращении вооружений, о запрещении атомного оружия, о борьбе с пропагандой и поджигателями войны. Его речь имела как раз обратную цель — замаскировать и замаскировать обилие декларативных фраз, то, что творится сейчас в военных штабах и канцеляриях милитаризованной Америки. Именно поэтому, в хвосте своей речи, генерал-дипломат многозначительно, для отвода глаз, проорал несколько слов о необходимости «сокращения вооружений так быстро, как это позволяет восстановление политической уверенности...»

Беспечная, лицемерная речь представителя США не произвела впечатления ни на Ассамблею, ни на общественное мнение. По поводу речей ряда других ораторов, выступавших с чужого голоса, вроде Филиппина Ромуло, кто-то метко заметил, что это — «перезаезжание американской женатой резины». Все эти проамериканские речи, предшествовавшие им открытое бойкотирование англо-американским блоком кандидатов славянских стран на выборах руководящих органов Ассамблеи дали основание французской газете «Комбат» в номере от 24 сентября заявить, что «атмосфера ООН представляется беспристрастно наблюдателью более американской, чем международной».

Так было до субботы, до одиннадцатого часов дня, пока на трибуну Генеральной Ассамблеи не вошел глава советской делегации А. Я. Вышинский. Часовая речь советского представителя была выслушана в переполненном зале с неслыханным вниманием. Это был глубокий политический анализ международного положения и внешней политики ведущих держав, а также того незавидного положения, к которому привело Организацию Объединенных Наций засилье в ней англо-американского блока.

Речь А. Я. Вышинского разнеслась в тот же день по всему свету, сметая клеветников и запятыхателей, вселяя надежду в сердца миллионов людей, стремящихся к миру. В речи представителя Советского Союза названы открыто, без обиняков, Союзные Штаты Америки, кото-

рые изменили за последний период свою внешнюю политику, перешли к политике экспансии, направленной к установлению мирового господства. Исходя из этой политики, реакционные круги США раздувают военный бюджет, лихорадочно гонят вооружения и разжигают психоз милитаристской пропаганды.

Неопровержимые цифры и факты были приведены с трибуны Ассамблеи. Пусть попробуют американские дипломаты опровергнуть их! Они неопровержимы, ибо это — правда, которую должны были сказать и сказали советские дипломаты.

Вместе с суровой и разоблачающей критикой, которой была подвергнута внешняя политика ряда ведущих государств — членов ООН, глава советской делегации, по поручению советского правительства, внес конкретные предложения, принятие которых является первым шагом к устранению военной угрозы и обеспечению мира. Эти предложения просты и реальны. Дать великим державам, постоянным членам Совета Безопасности — США, Великобритании, СССР, Франции и Китаю — должны сократить в течение одного года на одну треть все наличные сухопутные, морские и воздушные силы. Атомное оружие, как оружие агрессии, должно быть немедленно запрещено. В рамках Совета Безопасности должен быть создан контрольный орган для наблюдения и контроля за проведением в жизнь этих мероприятий.

Бурные аплодисменты публики, собравшейся во дворце Шайо, были первым одобрением советских предложений. Голос Советского Союза услышан во всех уголках мира. Прогрессивная печать Франции и других стран заполнена горячими откликами.

«Представитель Советского Союза Вышинский, — пишет газета «Се суар», — произнес перед Ассамблеей Объединенных Наций речь выдающего значения. Заместитель министра иностранных дел СССР с необычайной силой и точностью показал ответственность Союзных Штатов за напряженность в нынешней международной обстановке... Речь произвела колоссальную сенсацию».

Какаясь речи А. Я. Вышинского, газета «Юманите» заявляет: «Туманным и пыльным речам, предназначенным для отвлечения внимания от преступных намерений, готовящихся за кулисами, от противопоставления реальным, которая горячо желает мира, которая не нуждается в войне...»

Противники международного сотрудничества пустили в ход свое посланное пропагандистскую машину, чтобы попытаться ослабить впечатление, произведенное на всех миролюбивыми предложениями СССР.

27 сентября на заседании Генеральной Ассамблеи выступил министр иностранных дел Великобритании Бенн, который заявил о советских предложениях. Речь Бенна, дышавшая злобой к Советскому Союзу, подхватывается сейчас жетой прессой, как образчик гнусной, клеветнической пропаганды против советского народа и его внешней политики. Попытки Бенна дискредитировать миролюбивые предложения СССР могут вызвать лишь возмущение прогрессивной общественности всех стран. Эти попытки обречены на провал, ибо миллионы простых людей поймут истинный смысл неуклюжих маневров англо-американской дипломатии, которая из козла делает овца, чтобы прикрыть гонимую вооружений и подготовку преступного заговора против мира и безопасности народов.

По указке англо-американских джиреров, некоторые из делегатов Ассамблеи пытаются замаскировать предложения СССР. Другие твердят стандартную фразу о «советской пропаганде».

Да, советская дипломатия, выражая волю советского народа, веда и будет вести вперед пропаганду мира, неустойно и последовательно разоблачать поджигателей войны. Вместе с тем, Советский Союз предлагает конкретные меры, которые обеспечивают мир, — это запрещение атомного оружия, сокращение вооружений сил и вооружений. Советский Союз ждет от Генеральной Ассамблеи и в первую очередь от великих держав прямого ответа на свои предложения.

ПАРИЖ, 28 сентября. (По телеграфу).

В ЗАЩИТУ ПРОГРЕССИВНОГО АМЕРИКАНСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

А. ГУНДОРОВ,

генерал-лейтенант,
председатель Славянского Комитета СССР

В течение нескольких дней в США происходил четвертый съезд «Американского славянского конгресса». Перед самым его открытием американские власти арестовали секретаря Национального комитета этой организации Георгия Пиринского. Министерство юстиции США поспешило «объяснить» арест не деятельностью Пиринского в прогрессивной славянской организации, а лишь тем, что он якобы был «связан с компартией после его приезда в нашу страну», а это, как известно, не так.

Как же обстояло дело в действительности? Пиринский прибыл в США из Болгарии более двух десятков лет назад. Он пошел Болгария как рядовой эмигрант, инициатор работы и хлеба и прельщенный, вероятно, слухами о возможности найти и то и другое за океаном. В США он нашел работу мелкого служащего, а в дальнейшем обосновался там, женился и считал себя американцем.

Естественно, что Георгию Пиринскому хотелось стать полноправным американским гражданином и таким образом избежать обычной для этой страны иммиграционной дискриминации, хотя он и сознавал, что дискриминация национальная ему, как славянину, в США не избежать. В течение долгих лет пребывания в Штатах Пиринский много раз пытался получить американское гражданство, но ему неизменно в этом отказывали.

В этих отказах немаловажную роль, бесспорно, играло и то обстоятельство, что Пиринский, мажоранец по национальности, прибыл в США, вступив в славянскую организацию. Славянские же организации в Америке в большинстве своем пользуются репутацией прогрессивных, а потому, с точки зрения властей и реакции, «опасных» организаций. Славян в США насчитывается до 15 миллионов; это в основном рабочие тяжелой, горной и военной про-

мышленности, сельского хозяйства, различных промыслов и немногочисленные мелкие служащие. Разве могут американские власти доверять организациям, в которых большинство составляют трудящиеся?

Работая в славянских организациях Канализации и Детройта, ставших ядром «Американского славянского конгресса», Георгий Пиринский был оное время руководителем Мичиганского отделения, а затем секретарем этой новой организации. Вместе с председателем конгресса Кржижином, известным писателем Адамом, профессором Ланге и другими он стал душой этой организации, отдавая работе в ней все свои силы и энергию.

Пиринский много сделал для того, чтобы «Американский славянский конгресс» успешно мобилизовал славян США на борьбу с фашистской Германией и оказание помощи борющейся Европе. Особенным влиянием конгресс пользовался среди славян, работающих в военной промышленности США; известно, что более половины вооружения, которым оснащалась американская армия, было изготовлено руками американцев славянского происхождения.

Не случайно президент Рузвельт в приветствии второму съезду «Всеславянского конгресса» писал, что «американцы гордятся своими гражданами славянского происхождения», так много сделавшими для победы над Германией.

Сейчас, когда правительство США является послушным орудием в руках монополистов Уолл-стрит, стремящихся к миро-

вому господству, «Американский славянский конгресс», правдиво отражая интересы трудящихся Америки, требует возврата к политике Рузвельта, призывает к сотрудничеству народов. В частности, Национальный комитет конгресса оказал деятельную поддержку Прогрессивной партии, возглавляемой Уоллесом.

Стремлением нанести удар демократическим и прогрессивным организациям страны, помешать четвертому съезду «Американского славянского конгресса» откровенно высказав свое отношение к актуальному внутреннему и внешнему проблемам — вот чем был вызван арест Георгия Пиринского. Министерству юстиции США этого не скрыть никакими лицемерными и уклончивыми заявлениями!

В связи с арестом Пиринского, проназавшим, повидимому, с целью высылки из США, председателем конгресса Кржижином заявил: «Если министр юстиции Кларк думает, что попытка высылки Пиринского оградит американцев славянского происхождения и вызовет разброд среди нас, то он глубоко ошибается. «Американский славянский конгресс», представляющий сотни тысяч лояльных, патристически настроенных американцев славянского происхождения, укрепит единство своих рядов, удвоит свои усилия в борьбе за мир и изобилие и сплотится для защиты своего секретаря».

Американским реакционерам не удастся добиться своей цели, не удастся заглушить голос прогрессивных славянских организаций США. На защиту Георгия Пиринского, несомненно, выступят не только американцы славянского происхождения, но все демократические и прогрессивные силы страны. Этот арест будет способствовать еще большему разоблачению перед всем миром правых пресловутой «американской демократии».

В. ЛЕСКОВ

Кровавая гастроль де Голля

«Любимый ученик» Петена, предатель французского Сопротивления генерал Шарль де Голль закончил свое очередное пропагандистское гастрольное турне по югу Франции скандальным провалом.

Не помог в данном случае ни весьма тщательно составленный маршрут, охвативший в основном лишь районы, где особенно сильно влияние католической церкви, ни лихорадочная мобилизация всех сторонников на местах, ни бешеные усилия кровавой «дичной охраны» генерала, действовавшей в полном контакте с полицией Жюль Мока. Пакетный нушпш в Париже, и тот получал от Ватикана указания мобилизовать «все христианские силы» на поддержку генерал-незвуста.

Де Голль грозился произнести за восемь дней сто речей. «Можно подумать, что его уколоти грамматической иголкой» — не без иронии писали по этому поводу некоторые газеты.

Под приветственные клики и зов колоколов намеревался совершить генерал свою поездку; но сопротивлялся его несколько иной аккомпанемент: негодующие крики «Долой де Голля!» и зов стекол, выбиваемых деголлевскими молодчиками.

Всюду, где появлялся де Голль, гнев французских патриотов, для которых свобода родины дороже жизни, выливалась в многочисленные демонстрации протеста. В Баллен генерала не пропустили пикеты рабочих, в Визилла он поспешно убрался пол свист и улюлюканье, причем американские «джинсы», в которых катился его потрошница, были сброшены в ров и пожжены.

Взбешенные неудачами, де Голль заявил, что вызвалый провал больше не повторится, что он сумеет обуздать «бунты» и, направились в Гренобль, решив бросить вызов силам демократии, решив «нанести удар».

Снова, как в черные дни гитлеровской оккупации, улицы Гренобля обступились кровью французских патриотов. Голлеорезы де Голля убили героя Сопротивления — молодого рабочего Люсьена Вуатрала. Во время бандагского вала на поименное местное отделение компартии, в «воросской ночной час, они тяжело ранили секретаря партийной организации Пьера Роланда. Глаза ему засыпали известью — предатели Франции не выдерживают прямого взгляда честного человека.

Надо знать, что такое Гренобль, и тогда станет ясным, какую пооду провокацию задушил де Голль в до какой наглости дошел он, отправляясь туда со своей бандой наемных убий.

Дело в том, что Гренобль и вся провинция Дофин, столпщ которой является этот славный город, заслуженно гордятся своим прошлым и хранят патристическую верность республике.

В свое время немногие города Франции поддерживали с таким рвением, с такой преданностью и стойкостью дело Французской революции. Немногие города пролили столько крови, защищаясь против иностранной интервенции. Гренобль и вся провинция Дофин героически сопротивлялись безому террору при Реставрации и Луи-Наполеоне. В самые трудные минуты, когда родина была в опасности, жители этой области поставили Францию самую доблестную и крепкую пехоту — альпийских стрелков.

В 1940 году, в дни предательства и клеветы правых кругов, патристы Гренобля твердо отражали натиск гитлеровской армии и нанесли тяжелые удары итальянцам. А затем они, эти свободные горы, с оружием в руках сопротивлялись Виши, Петену, всемским фашистам.

Лесные чащи Веркора и плато де Гепер служили тогда убежищем и лагерем для

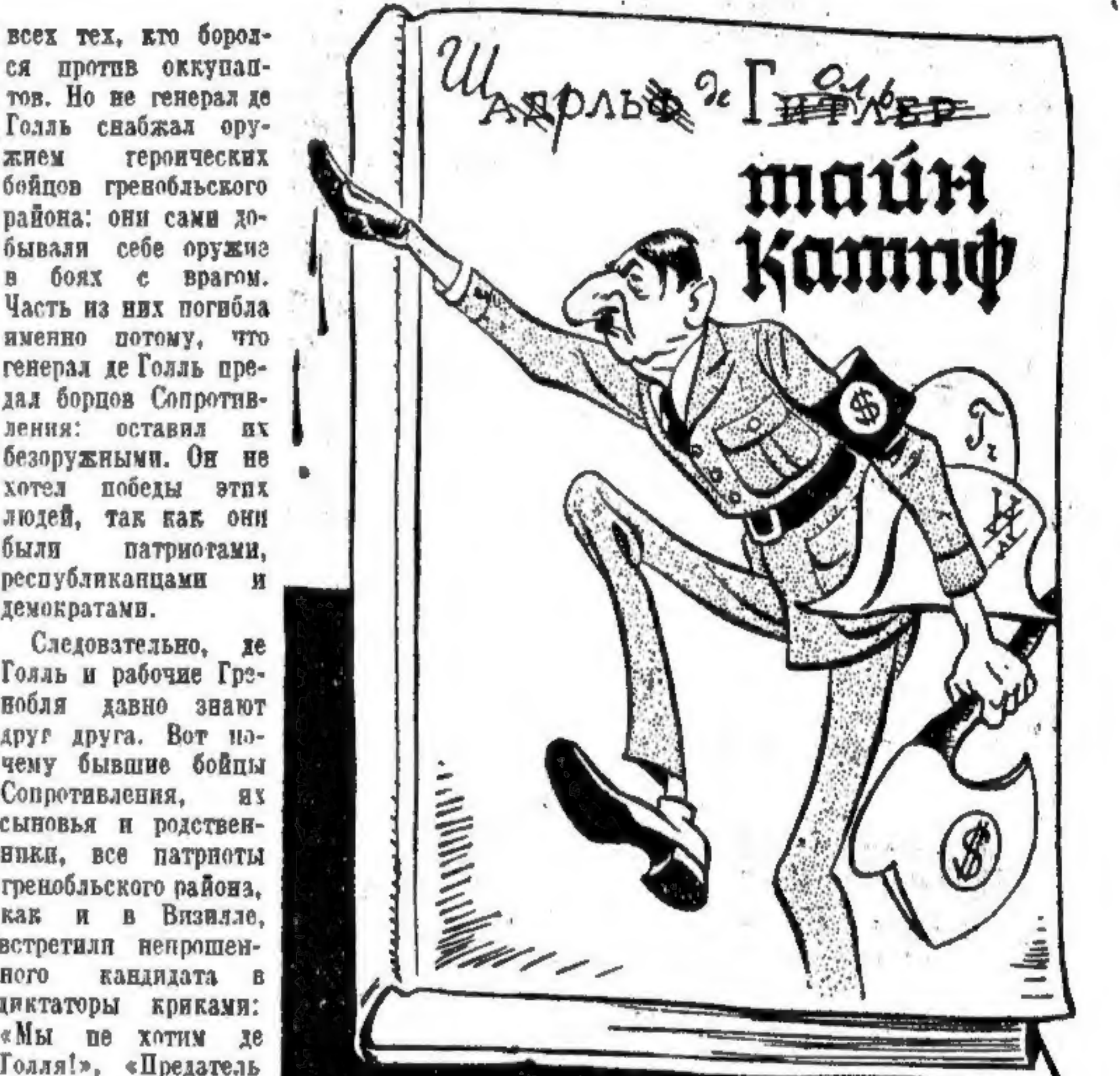


Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Французское издание

Он ответил на это выстрелами своих личных охранников, подержанных полицией. Все эти кровавые события не только вновь обнажили истинное лицо де Голля. Они подтвердили, что де Голль имеет свою негласную военную организацию, вооружаемую властями, содержащуюся на средства государства и находящуюся под его покровительством. Министр внутренних дел Жюль Мок лично увеличил состав «службы порядка» РПФ (партии де Голля) до 5.000 человек в Париже и 10.000 человек в провинции. Он признал, что в Гренобле де Голль усилив свои банды из наемников, наводившими в других районах. Эти банды моторизованы. Они передвигаются на «джипах», которые, без сомнения, принадлежат армиям так же, как револьверы и автоматы. Они получают бонусы на горючее, и поскольку горючее во Франции строго нормировано, то это делается при прямом попустительстве властей. Сам де Голль для своих машин получает ежемесячно три тысячи литров бензина от военного ведомства. Во время своих поездок он окружен группой офицеров, ныне служащих в армии и считающих, что они обязаны повиноваться только генералу де Голлю.

По мнению правых кругов во Франции предпочитают на все это не обращать внимания. Господин Мок, давая в палате «разъяснения» в связи с событиями в Гренобле, обещал «когда-нибудь поговорить» обо всем, что связано с «показками» и деятельностью де Голля. Когда-нибудь... В самом деле, зачем и куда торопится, особенно, если учесть, что де Голль с каждым днем начинает приобретать все более прочные схватки заоканских «дзюев» Франции? Не случайно американская пе-

чать подчеркивает, что Уолл-стрит делает ставку на де Голля, а брат генерала — мэр Парижа Пьер де Голль, находясь в США, удостоверяется приема и длительной беседы у заместителя государственного секретаря Ловелла.

Правые круги современной Франции — Шуман, Мок, Рамадэ — с полной готовностью учитывают превращение генерала де Голля в американского фельдфебеля. «Продолжайте, наш генерал! — вот что, в сущности, говорят они ему. — Мы готовы выдать вашим пулеметчикам героев Сопротивления, партизан Веркора, мужественных альпийских стрелков в одинаковом с ними мыслящих патриотов. Они не получают от нас никакой поддержки, поскольку мы всегда готовы стоять на страже вашей безопасности. Продолжайте идти к власти, платя по лужам прошлого вали французской кровью...»

Так говорят предатели французского народа, старающиеся до сих пор представлять де Голля в качестве «освободителя страны».

Но французский народ держится на этот счет совершенно иного мнения. Он не согласен стать народом рабов. Слезая призывам компартии, разоблачающей заговор международного реактива, ставленником которого является де Голль, французский народ гитов своей борьбой за прогресс, демократию и независимость доказать, что только он — подлинный и законный хозяин Франции.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМАН.

Албанские записки

(Продолжение. Начало на 3-й стр.)

остаться бы ему живым от обид и рукопожатий. Все плакали — большие и малые начальники, генералы и солдаты, старики и юноши, и сам Певанов, такой подобранный, такой выдержанный, все же взмолился отпустить ему одну руку, чтобы достать платок из кармана.

Это событие в воспоминаниях, в известной передаче уже обводилось дымкой трогательной легенды, но основа его и смысл верны действительности, и оно останется одним из самых дорогих народных памяти эпизодов.

Советский Союз оценил борьбу албанского народа, признав молодую, борющуюся Албанию, и это признание подняло ее в собственных глазах, открыло для новых дел, придало ей новые силы.

Пришла победа, а за торжествами пришли труды и заботы мирных дней молодой республики, зародившейся и сложившейся еще в боях. И вновь великий пример советских народов ведет за собой албанцев, учит их строить новую жизнь.

Неверно говорят иногда, что пафос создания в странах новой демократии воскрешает память наших первых революционных лет. Наш опыт созидательной борьбы воспринимается теперь в его тридцатилетнем зрелом, и не обязательно в хронологической последовательности нашего развития.

Молодая Албания строит свою вторую железную дорогу Дуррес—Тарана (если считать первой ранее построенную линию Дуррес—Тетин протяжением в 12 километров), превращает огромную площадь малярийного болота Малин близ города Корта в плодородную цветущую долину, прокладывает в горах новые шоссе, строит, возводит разрушенные войной мосты и здания. И в проведении всех этих работ живейшим и нагляднейшим образом отражается опыт наших народных строев, характерных для предвоенных и послевоенных лет. То, что возращено у нас усилиями трех десятилетий в результате гигантских преобразований в стране, входит себе почва и приживается там, где только что началось строительство нового. Решающим фактором этого строительства является победа социализма на незыблемых просторах советской земли. Наш опыт, наша победа учат, что путь к счастью и достойной жизни человеческой жизни никому не заказан — ни большим странам, ни малым, ни большим, ни самым малым своей численностью народам.

«Мы маленькая страна, мы — маленький народ», — нередко можно слышать эти слова в Албании. Очень хорошо сказал о своей стране один старый албанец из деревни Вескучи, о которой я также еще расскажу ниже, он сказал:

— Маленькая страна, но она лежит складками, — он сказал волнообразно

движение рукой, желая выразить горный рельеф своей страны. — Вся в складках. Маленькая, а если распрямить... — О! Она тогда будет большая, границы ее так расширятся.

И он засмеялся, как бы ограничивая смысл сказанного простой шуткой. Но я понял, что он имел в виду не одну только физическую географию страны.

Да, страна эта невелика. За недолгий срок моей поездки в составе советской делегации, изредка отбываясь от нее, я, можно сказать, пересек Албанию вдоль и поперек. Я был в главном портовом городе Дуррес, откуда, как говорят, с балкона бывшего королевского дворца в ясный день можно видеть берега Италии, и был в Корче и за Корчей, в деревушке Вескучи, откуда отчетливо слышался грохот боев на греческой территории в районе горы Грамос, очертания которой виднелись за горами ближайших гор. Мы всей делегацией жили в Тираре, побывали в древнейшем городе на севере Албании — Шкодере (Скутари), Вазоне на юго-западе, на нефтяных промыслах в Буково, на строительстве новой железной дороги. Страна, действительно, небольшая.

Но эта маленькая страна постинте вся в складках, и эти складки скрывают ее действительные размеры не только ширину ее территории, но и глубину, в отношении ее большого прошлого и еще большего и значительного настоящего и будущего.